

В. Н. Никитин

Жизнь заключенных

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Н. Никитин**
Жизнь заключенных / В. Н. Никитин – М.: Книга по Требованию, 2017. –
304 с.

ISBN 978-5-518-10887-5

Обзор Петербургских тюрем и относящихся до них узаконений и административных распоряжений.

ISBN 978-5-518-10887-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о томъ, какія именно мѣры легче и скорѣе ведутъ къ исправленію преступниковъ, какія физическія и нравственныя кары болѣе цѣлесообразны въ смыслѣ возмездія за совершенныя преступленія и проступки—все это очень много лѣтъ ужъ занимаетъ европейскихъ криминалистовъ, теоретическихъ и практическихъ изслѣдователей, которые своими трудами по этой части создали значительную литературу, тогда какъ русская пресса подвліяніемъ прежнихъ тяжелыхъ ея ограниченій совершенно молчала объ этомъ.

Правительство наше, вводя постепенно въ нашемъ отечествѣ различныя прогрессивныя реформы, еще въ 1862 году почувствовало необходимость улучшенія тюремной системы. Въ этихъ видахъ оно въ томъ же году начало собирать матеріалы для изученія тюремнаго быта. Хотя дѣйствіе это и продолжается до сихъ поръ,—тѣмъ не менѣе читающей публикѣ почти ничего не извѣстно по сему предмету. Въ обращеніи, правда, имѣется книга г. Галкина «Матеріалы для изученія тюремнаго вопроса»,—но она, будучи оффиціальнымъ изданіемъ, какъ всѣ подобныя — чрезвычайно мало характеризуетъ дѣйствительное положеніе нашихъ тюремъ.

Между тѣмъ правильное, разумное разрѣшеніе тюремнаго вопроса принесеть, безспорно, громадную пользу. Это наглядно подтверждается ужъ тѣмъ напримѣръ, что въ 1864 г., во всѣхъ тюрьмахъ (кромѣ Сибирскихъ) содержалось, какъ гласятъ свѣдѣнія, распубликованныя въ концѣ 1868 г. въ «Сѣверной Почтѣ», болѣе 45,000 человѣкъ обоого пола. На содержаніе этой, ничѣмъ полезнымъ не занимавшейся, массы людей истрачено 2,000,000 рублей, тогда какъ еслибъ народъ этотъ трудился—онъ могъ бы заработать, полагая даже лишь казенную норму дневнаго заработка въ 15 коп.—2,453,000 руб. въ годъ. Слѣдовательно, казна не только вернула бы свою на содержаніе заключенныхъ затрату, но еще въ состояніи была бы удѣлить имъ, въ вознагражденіе за ихъ трудъ—253,750 р.; т. е., хотя по 5 р. 50 к. каждому. А получивъ, при освобожденіи, на первоначальныя насущныя потребности такую сумму—очень и очень многіе изъ бывшихъ заключенныхъ избѣгли бы вторичнаго водворенія ихъ въ тюрьмѣ за новыя прегрѣшенія, содѣянныя вслѣдствіе голода и не отысканія на первую же ночь по оставленіи тюрьмы пристанища...

Далѣе, существующая при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ съ 1869 г. особая коммисія для разработки тюремнаго вопроса, публикуеть, изрѣдка, въ органѣ названнаго Министерства, весьма отрывочныя и ничего не говорящія свѣдѣнія о своей дѣятельности; свѣдѣнія эти перепечатаваются всѣми газетами и читающая публика узнаётъ, что есть какая-то коммисія, хлопочущая объ улучшеніи тюремъ, въ которыхъ плохо живется, но отчего именно плохо—это для всѣхъ остается непроницае-

мою тайною, которая вызываетъ естественное неудовольствіе. Все это, вмѣстѣ взятое, навело насъ на мысль заняться изученіемъ Петербургскихъ мѣстъ заключенія. Однако всѣмъ вѣдь извѣстно, что двери нашихъ тюремъ широко растворяются только предъ внавшими въ преступленія, да предъ высокопоставленнымъ начальствомъ; частный же человѣкъ (какимъ мы были касательно тюремъ) ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ туда проникнуть, хотя бы желаніе его было и самое благонамѣренное. Обстоятельство это поставило намъ весьма серьезную преграду, для устранения которой намъ пришлось вынести не малыя затрудненія, даже неприятности. Усилія наши увѣнчались таки наконецъ успѣхомъ, благодаря просвѣщенному взгляду на дѣло 3-хъ лицъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи коихъ состоятъ здѣшнія тюрьмы. Лицамъ этимъ мы и спѣшимъ выразить за оказанное ими намъ содѣйствіе нашу искреннюю признательность.

Приобрѣвъ такимъ образомъ доступъ въ мѣста заключенія—этотъ темный миръ человѣческихъ страданій—мы занялись этимъ предметомъ со всевозможнымъ стараніемъ и вниманіемъ. Болѣе пяти мѣсяцевъ сряду мы разновременно, ежедневно, посѣщали тюрьмы, знакомились съ бытомъ зрестантовъ посредствомъ многихъ, иногда и не безопасныхъ способовъ; терпѣливо выслушивали и колкости и сѣтованія, изучали дѣйствительность въ сопоставленіи съ существующими о ней законами, порядками,—короче говоря ни предъ чѣмъ не останавливались, лишь бы достигнуть задуманной цѣли. И, ежели мы, сознаемся—и не совсѣмъ, быть можетъ, точно выполнили предположенную напередъ задачу,—то это произошло положитель-

но по независѣвшимъ отъ насъ причинамъ. Ни въ одной, напр., гражданской тюрьмѣ не ведется даже сколько нибудь сносной статистики преступленій; оттого, желая выбрать вѣрныя, о содержавшихся въ данный періодъ, цифры—мы въ исправительномъ, напр., заведеніи пересчитывали множество дѣлъ, рылись въ нихъ по цѣлымъ недѣлямъ. Рассмотрѣть денежную отчетность и промышленные обороты тюремъ—эти самыя большыя ихъ мѣста—намъ, не смотря на дозволеніе свыше во все внѣзатъ, или рѣшительно не дозволили, какъ въ тюремномъ замкѣ, или если и давали, какъ въ Срочной тюрьмѣ, цифры, то такимъ манеромъ, что не станемъ ручаться за безусловную ихъ вѣрность. Кое что, черезъ чуръ ужъ печальное, отъ насъ можетъ стать и скрывали (*) исключительно потому, что знали о цѣли нашей работы, состоявшей въ опубликованіи собранныхъ свѣдѣній, а гласность для нѣкоторыхъ служить пугаломъ, по ихъ мнѣнію «грѣшно выносить изъ избы соръ». Намъ передавали наконецъ изъ быта тюремъ и такіе эпизоды, которые не вошли въ нашу книгу единственно изъ основательнаго опасенія очутиться самому временно на житьствѣ въ тюрьмѣ за пресловутую диффамацию, такъ какъ обвиняемый въ диффамаци, какъ доказано судебною практикою, никогда не въ силахъ оправдаться... Что въ теченіи накопленія матеріала мы постепенно печатали нашу работу въ «Судебномъ Вѣстникѣ». Судя по

(*) Сомнѣніе это въ насъ зародилось, впрочемъ, только касательно срочной тюрьмы.

расходившимся экземплярамъ тѣхъ номеровъ, въ которыхъ появлялись наши статьи, да по отзывамъ, доходившимъ до насъ съ разныхъ сторонъ, трудъ нашъ обратилъ на себя вниманіе читателей названнаго изданія. Мало того: нѣкоторые отрывки перепечатывались и въ другихъ газетахъ, напр. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ была нами помѣщена первоначально часть обзора полицейскихъ казематовъ. Критика же пропустила наши статьи безъ вниманія потому, кажется, что въ журналистикѣ господствуетъ нелѣпный обычай не касаться предметовъ, разбираемыхъ въ фельетонныхъ запискахъ. И вотъ, основываясь на мнѣніяхъ компетентныхъ лицъ, мы собрали всѣ статьи, тщательно пересмотрѣли, почти на половину дополнили ихъ новыми, не бывшими напечатанными свѣдѣніями и предлагаемъ ихъ вниманію читателей въ настоящей книгѣ. Мы видимъ въ нашемъ трудѣ прежде всего матеріалъ, пригодный для лучшей разработки тюремнаго вопроса. Затѣмъ разсматриваемые нами многочисленные вопросы, относящіеся до различныхъ сферъ, могутъ вызвать на серьезныя размышленія и такъ называемыхъ проницательныхъ читателей, специалистовъ въ юриспруденціи и лицъ, власть имѣющихъ, къ разумному разрѣшенію этихъ вопросовъ. Наконецъ обыкновенный читатель по нашей книгѣ вполне ознакомится съ дѣйствительнымъ тюремнымъ житьемъ-бытьемъ людей, лишающихся по разнымъ случаямъ свободы, чего доселѣ ему почерпнуть было не откуда; узнать же это не бесполезно для каждаго: сума и тюрьма всѣмъ, болѣе или менѣе, грозятъ...

Если читатель найдетъ, что указанная нами тройкаго

рода цѣль достигнута, то мы сочтемъ себя вознагражденными за тяжелый трудъ и моральныя непріятности, перенесенныя нами при изученіи петербургскихъ тюремъ, которыя въ Россіи врядъ ли, добавимъ, скоро получаютъ новую, хорошую организацію: на это требуется, по оффиціальнымъ источникамъ, болѣе 50,000,000 руб.; а казна сама терпитъ въ деньгахъ изрядную нужду..

Авторъ.

АРЕСТАНТСКІЕ КАЗЕМАТЫ

при

ПОЛИЦЕЙСКИХЪ ЧАСТНЫХЪ ДОМАХЪ ПЕТЕРБУРГА.

I.

Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, 12 полицейскихъ частей, а въ каждой изъ нихъ имѣются арестантскіе казематы, въ которыхъ ежедневно содержатся подъ стражею лица всѣхъ званій,—обоего пола, числомъ всего отъ 600 до 700 человекъ (*). Заключаются эти лица подъ стражу: одни—для пресѣченія имъ возможности уклоняться отъ суда и производящихся о нихъ слѣдствій; другія—для вынесенія наложеннаго на нихъ мировыми судьями наказанія кратко-временнымъ арестомъ, за различные, мелкіе проступки, когда въ срочной тюрьмѣ нѣтъ свободныхъ мѣстъ, или срокъ

(*) Свѣдѣній о томъ, за что именно содержатся въ частяхъ люди—въ нихъ никакихъ не ведется, а всѣ поступающіе туда подъ стражу записываются званіями, именами и фамиліями въ одну общую тетрадь, либо книгу, часто цѣлые годы, а при выпускѣ или переводѣ кого либо въ другія мѣста—дѣлается отмѣтка о томъ въ тетради, книгѣ; въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, частяхъ и этихъ книгъ за прежнее время нѣтъ.

ареста менѣ мѣсяца и ихъ въ названную тюрьму не принимаютъ; третьи—подлежащія, по распоряженію администраціи, высылкѣ на родину за проживаніе безъ установленныхъ паспортовъ, за просрочку таковыхъ, для отбытія рекрутской повинности и т. под.; четвертыя — забираемыя на улицахъ за буйства, драки, въ пьяномъ видѣ, до вытрезвленія, за кражу и т. под. погрѣшности; пятія — добровольные заключенники,—люди, не располагающіе, по разнымъ несчастнымъ случаямъ, квартирами, пищею и приходящіе въ части искать пріюта и наконецъ, шестія — заблудившіяся и безродныя малолѣтнія дѣти.

Арестантскія камеры устроены почти вездѣ на двѣ половины, такъ что посрединѣ ихъ корридоръ. Лица привилегированныхъ сословій помѣщаются всякій, а иногда и по двое въ отдѣльной, маленькой комнаткѣ съ однимъ окошкомъ, съ желѣзною рѣшеткой. Внутри этихъ келій не чисто и не грязно, а что-то среднее между тѣмъ и другимъ; убранство ихъ: кровать, на ней плохенькіе матрацъ и подушка, набитые соломой, сѣрое одѣяло, а возлѣ кровати—столикъ. Камеры же простолюдиновъ — средней величины комнаты, въ два-три окна (тоже, разумѣется, съ рѣшетками), въ нихъ: досчатая нары, на которыхъ днемъ лежатъ свернутые въ трубку жиденькіе, отъ времени, даже почернѣвшіе, матрацы, съ прогнившею насквозь соломой; ни подушекъ, ни одѣялъ тутъ ужъ не видать; да и самыя, впрочемъ, матрацы есть вездѣ только въ женскихъ отдѣленіяхъ; въ иныхъ же мужскихъ и ихъ не существуетъ. На полу въ мужскихъ простолюдинскихъ камерахъ повсюду толстый слой грязи; ночью арестованные испражняются въ камерахъ же, оттого воздухъ, которымъ

народъ принужденъ дышать, ужасно тяжелый, вонючій... Въ каждомъ казематѣ содержитсяъ отъ 20 до 40 человекъ, смотря по наплыву народа, т. е. числящіеся за судебными слѣдователями—въ одной; за мировыми судьями—въ другой, за управою благочинія—въ третьей, сбродъ—въ четвертой, а дѣти—въ пятой комнатахъ. Женщины живутъ въ однихъ частяхъ—этажомъ выше или ниже мужчинъ; въ другихъ—на разныхъ только корридорахъ отъ мужчинъ, въ третьихъ—въ одномъ корридорѣ, противъ мужскихъ казематовъ; въ иныхъ же благородные мужчины рядомъ кельями съ женщинами ихъ сословія и при желаніи, потихоньку, посѣщаютъ другъ друга; оттого бывали случаи размноженія рода человѣческаго... На нарахъ всѣмъ образомъ помѣститься не могутъ, такъ какъ они устроены человекъ на 15 не больше; по этому многіе, нерѣдко и до половины, спятъ подъ нарами, да рядомъ съ ними, на голомъ, конечно, полу. Въ женскихъ отдѣленіяхъ стѣны въ болѣе или менѣе опрятномъ видѣ, стекла оконъ промыты, на полу гораздо меньше грязи и мокроты, нежели въ мужскихъ камерахъ. Уборка арестантскихъ камеръ лежитъ на обязанности живущихъ въ нихъ.

Верхнюю одежду всѣ арестованные носятъ свою; бѣлье хотя и дается разъ въ двѣ недѣли казенное, но оно такого свойства, что весьма немногіе изъ заключенныхъ пользуются имъ; большинство же предпочитаетъ ходить въ собственномъ, отъ бани до бани, такъ что, будучи въ ней, вымываютъ, тамъ же просушиваютъ его на полкѣ, потомъ надѣваютъ снова. Въ баню арестованныхъ водятъ два раза

въ мѣсяцъ; изъ однихъ частей—въ городскую тюремную баню, а изъ другихъ—гдѣ мѣстные содержатели бань люди сердобольные—въ ихъ частныя бани безплатно, рано утромъ, когда въ баняхъ еще никого не бываетъ изъ вольныхъ людей. Заболѣвающихъ отправляютъ, для пользованія, въ лазареты, существующіе при городской и срочной тюрьмахъ. Свиданія съ родными и знакомыми дозволяются: бѣднымъ простолюдинамъ—разъ въ недѣлю, сквозь рѣшетку, въ присутствіи полицейскихъ служителей, а привилегированнымъ, да состоятельнымъ людямъ два — три раза въ недѣлю, и даже чаще, въ особой, приличной комнатѣ, гдѣ они спокойно сидятъ рядомъ съ посѣтителями, при чемъ наблюдаютъ за ними лишь издали, дабы не стѣснятъ ихъ въ разговорахъ... Провинившихся сажаютъ въ карцеры, за маловажные проступки—въ не теплыя и не холодныя, а за значительныя—въ холодныя. Карцеры—это крошечныя конурки, гдѣ нѣтъ ровно ничего, и попавшій туда можетъ, какъ хочетъ—стоять, сидѣть или лежать—на полу; холодныя карцеры во многихъ частяхъ со щелями въ стѣнахъ, черезъ которыя свободно проходятъ со двора не только морозъ, но и снѣгъ и дождь...

Проходя, однажды, въ трескучій морозъ, по корридолу женскаго отдѣленія части, мы увидѣли высывавшіяся изъ дверныхъ окошечекъ рядомъ расположенныхъ карцеровъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго тонкою досчатою перегородкою—двѣ женскія фигуры.

— Пожалуйте баринъ ко мнѣ, пожалуйста, полюбуйте́сь хоть однимъ глазкомъ на мою авантажную квартиру, насмѣшливымъ тономъ заговорила заключенница.